

О материале и форме, 31.04.1929

I

Чтобы справиться с трудностями, не стоит о них умалчивать. На практике приходится делать один шаг за другим — теории же должно хватить на весь бросок. Новый материал — первый этап, марш-бросок продолжается. Трудность в том, что работа первого этапа (новый материал) тяжела, если в голове уже второй (новые взаимоотношения людей). Можно прояснить, например, роль гелия, но этого мало для создания великой картины мира; однако невозможно определить роль гелия, если голова занята чем-то (большим), кроме гелия. Поступательный путь исследования новых взаимоотношений людей проходит через исследование нового материала (брак, болезнь, деньги, война и т.д.).

II

Итак, первое: осмысление нового материала; второе: изображение новых взаимоотношений. Основа: искусство отражает действительность. Пример: добыча и использование нефти — это комплекс нового материала, в котором при ближайшем рассмотрении раскрываются новые человеческие взаимоотношения. Здесь можно отчетливо увидеть определенный алгоритм поведения индивида и массы, он является одним из комплекса свойств этого материала. Однако особый способ реализации нефти создан не новым алгоритмом поведения. Первичен комплекс нового материала, новые отношения вторичны. Новые отношения представляют ответы, которые люди дают на вопросы «материала», т.е. *решения*. Материал

(ситуация) развивается по определенным законам, в соответствии с насущной необходимостью, нефть же создает новые отношения. Отношения эти, как сказано выше, вторичны.

III

Осмысление полей нового материала ведет к новой драматической форме и новой форме театра. Можно ли ямбом писать о деньгах? «Курс марки, что еще вчера полста равнялся / сегодня уж под сотню долларов поднялся, / а завтра больше, и так дальше без предела...» — уместно ли это? Нефть противится пятиактной структуре драмы, современные катастрофы нелинейны, это циклические кризисы, «герои» меняются от фазы к фазе, они заменяемы и т.д., траектория действия усложняется ошибками, рок утратил всеохватную власть, в силовых полях сталкиваются противодействующие течения, облеченные силой группы взаимодействуют не только друг с другом, налицо сложные процессы и внутри них, и т.д., и т.д. Драматической техники Хеббеля и Ибсена уже недостаточно, чтобы написать инсценировку хотя бы простенькой газетной заметки. В этом нет триумфа, напротив, это подавляет. Сегодня уже невозможно представить персонажа через характерные черты, объяснить действие мотивами, которых было бы достаточно еще во времена наших отцов. Мы (временно) облегчили себе задачу, не исследуя мотивы вовсе (пример: «В чаще городов», «Поход к Восточному полюсу» [Арнольта Броннена]), чтобы, по крайней мере, не приписывать ложных, изображая события как феномены; возможно, нам придется и персонажей (также временно) лишить характерных черт.

IV

Все это, то есть все эти вопросы, касается, разумеется, лишь серьезных устремлений создать «великую» драму, которую сегодня подчас не отличают от посредственной развлекательной драмы.

V

Когда мы в той или иной степени сориентировались в материале, мы можем переходить к отношениям, которые сегодня невероятно сложны и поддаются упрощению лишь благодаря форме. Форма же эта достижима только через полное изменение целеполагания искусства. Новое искусство создаст лишь новая цель. Новая же цель есть педагогика.

Пять трудностей пишущего правду, 1934

Тот, кто борется сегодня с ложью и невежеством и пишет правду, сталкивается, по меньшей мере, с пятью трудностями. Ему необходимо *мужество*, чтобы писать правду, хотя ее попирают со всех сторон; *мудрость*, чтобы ее распознать, хотя ее постоянно скрывают; *искусство*, чтобы превратить ее в оружие; *рассудительность*, чтобы выбрать тех, в чьих руках она будет наиболее действенной; и *хитрость*, чтобы донести ее до них. Для тех, кто пишет под присмотром фашистов, трудности эти велики, но не легче преодолеть их и тем, кто был изгнан или сбежал, даже тем, кто пишет в странах торжества гражданской свободы.

I. Мужество писать правду

Кажется само собой разумеющимся, что пишущему всегда следует писать правду — в том смысле, что ему не следует попирать и замалчивать ее, а также не следует писать неправды. Ему не следует склоняться перед сильными мира сего, не следует обманывать слабых. Разумеется, не склоняться перед сильными мира сего очень тяжело, а обманывать слабых очень выгодно. Испортить отношения с людьми достатка означает от достатка отречься. Отказаться от оплаты выполненной работы означает в господствующих обстоятельствах отказаться от работы в принципе, а выбивать у сильных мира сего славу зачастую означает выбивать славу вообще. Для этого необходимо мужество. Времена крайнего давления — это зачастую времена, когда много говорят о важных вещах и высоких материях. Необходимо мужество, чтобы в такие времена, под громкие крики о том, что главное — жертвенность, говорить о вещах низких и невеликих, вроде еды или жилья для рабочих. Когда крестьян осыпают почестями, требуется мужество, чтобы говорить о станках и дешевых продуктах питания, которые облегчили бы условия труда. Когда на всех углах кричат, что человек без знаний и образования лучше образованного, требуется мужество, чтобы спросить: для кого? Когда речь идет о совершенных и несовершенных расах, требуется мужество, чтобы спросить, не голод ли, невежество и война вызывают к жизни пороки. Также мужество необходимо для того, чтобы говорить правду и о себе, побежденном. Преследуемые часто теряют способность признавать собственные ошибки. Преследование

кажется им величайшей несправедливостью. Преследователи — злодеями, преследуемые же подвергаются преследованию за добродетели. Однако добродетели эти попираются, побеждаются и угнетаются, то есть оказываются добродетелями слабыми, дурными, негодными и ненадежными; но слабость за добром признавать не принято, как не принято рассуждать о том, что дождь мокрый. *Необходимо мужество, чтобы сказать, что добродетель оказалась побеждена не потому, что была добродетельна, но потому, что оказалась слаба.* В борьбе с неправдой необходимо писать правду, при этом она не может быть общим местом, чем-то возвышенным, отвлеченным или многозначным. Отвлеченность, возвышенность, многозначность присущи как раз неправде. Если о ком-то говорят, что он говорит правду, имеют в виду, что кто-то, или некоторые, или многие сказали неправду или нечто общее, но он-то сказал правду, нечто практическое, действительное, нечто, что невозможно обогатить, нечто предметное.

Чтобы распространяться о том, что мир погряз в пороке, и жаловаться на торжество грубости, много мужества не требуется, как не нужно мужество, чтобы грозить торжеством духа там, где это еще не запрещено. Немало найдется таких крикунов, они ведут себя так, будто на них направлены дула пушек, однако наводят на них разве что театральные бинокли. Они выкрикивают лозунги в мир друзей людей безобидных. Они требуют всеобщей справедливости, хотя никогда и пальцем для нее не пошевелили, требуют всеобщего права на часть добычи, в дележе которой участвуют долгие годы.

Они признают правдой лишь то, что эффектно звучит. Если же правда предстает как нечто, подлежащее обсчету, сухое, фактическое, нечто, для поиска чего требуются усилия или изучение, то для них это уже не правда, как не правда для них и все то, что не позволяет впасть в раж. Такие люди обладают лишь внешними признаками говорящих правду. Самое же печальное, что *правды они не знают*.

II. Мудрость распознать правду

Правду постоянно скрывают, писать ее трудно. Будет написана правда или нет, представляется большинству вопросом наличия воли. Они полагают, что для этого требуется только мужество, забывая при этом о второй трудности, трудности *обнаружения* правды. А это поистине великая трудность.

Начать хотя бы с того, что крайне непросто обнаружить, какую именно правду стоит сказать. Так, например, сейчас, на глазах у всего мира, одно за другим погружаются в отчаянное варварство величайшие цивилизованные государства. При этом каждый знает, что внутренняя война, которая ведется самыми жуткими средствами, в любой день может перерасти во внешнюю, которая, вероятно, превратит весь континент в руины. Это, вне всякого сомнения, правда, но есть, конечно, и другая. Так, например, правда и то, что на стуле можно сидеть, а дождь падает сверху вниз. Многие писатели пишут правду такого рода. Они подобны художнику, что расписывает пейзажами каюты тонущего корабля. Первая трудность для них не представляется таковой, и все же они живут с чистой совестью. Они малюют, не обращая внимания ни на сильных мира

сего, ни на крики угнетенных. Бессмысленность действий этих мастеров вызывает в них самих «глубокий» пессимизм, которым они выгодно приторговывают, а сторонним наблюдателям он кажется весьма убедительным. Распознать, что их правда ничем не отличается от банальностей о стуле и дожде, при этом весьма непросто — для людей непривычных такая правда звучит как важные рассуждения о важных вещах.

И только при пристальном рассмотрении становится понятно, что они говорят лишь: «Стул — это стул», или «Дождь падает сверху вниз, и с этим ничего не поделаешь».

Такие люди не найдут правды, которую стоило бы писать. Другие, напротив, занимаются самыми неотложными делами, не боятся ни сильных мира сего, ни нищеты, однако до правды им добраться не суждено. Им не хватает знаний. Они полны старинных суеверий, известных и сформировавшихся еще в древности предрассудков. Мир для них слишком запутан, они не знают фактов и не видят взаимосвязей. Кроме убеждений, необходимо приобрести знания и освоить методы. Всем пишущим нынешнего сложного времени, времени великих перемен, необходимо знание материалистической диалектики, экономики и истории. Почерпнуть это знание при необходимом прилежании можно из книг и на практике. Вскрыть правду можно и более простым путем, поняв часть правды или суть явления; и то, и другое ведет к обретению правды. Если есть желание искать, пригодится метод, но найти можно и без метода, более того, — вообще не отправляясь на поиски. Однако таким случайным образом вряд ли можно

достичь изображения правды, при взгляде на которое люди поймут, как им действовать. Те, кто лишь записывает незначительные факты, не в состоянии сделать явления этого мира понятными и доступными. А ведь именно это и есть цель правды, и ничто другое. Такие люди не доросли писать правду.

Если кто-то готов писать правду и способен распознать ее, ему предстоит преодолеть еще три трудности.

III. Искусство превратить правду в оружие

Правду следует говорить ради выводов, которые следуют из нее для поведения. В качестве примера правды, из которой выводов сделать нельзя или же можно сделать ложные, нам послужит распространенное мнение, что в некоторых странах дела обстоят дурно и виной тому варварство. Согласно этому утверждению, фашизм — волна варварства, которая обрушивается на некоторые страны как *природная сила*.

Согласно этому утверждению, фашизм — новая третья (и превосходящая их) власть наряду с капитализмом и социализмом; не только социалистическое движение, но и капитализм могли бы и дальше существовать без фашизма и т.д. Это, разумеется, фашистское утверждение, капитуляция перед фашизмом. Фашизм — это фаза исторического развития капитализма, нечто сколь новое, столь и привычное. Капитализм существует в фашистских странах только как фашизм, а *победить фашизм можно только как капитализм, самый откровенный, наглый, алчный и лживый*.